

Жанр проклятия (*харал*) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Фольклорный жанр проклятия (калм. *харал*) имел локальные авторские образцы в жанровой парадигме калмыцкой поэзии XX в., находившиеся на периферии литературного процесса. Среди таких обращений — стихотворения А. И. Сусеева, М. Д. Басангова, Б. Б. Сангаджиевой, Д. Н. Кугультинова, ставшие объектом и предметом исследования в наших статьях. *Актуальность и новизна* статьи определена *целью* — выявить в лирике В. Д. Нурова произведения в жанре проклятия, рассмотреть поэтику двух стихотворений «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973), «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980) в историко-литературном, историко-функциональном и сравнительно-типологическом аспектах, а также русские переводы второго текста. *Результаты.* Первое стихотворение поэта имеет два варианта, незначительно отличающиеся по стилю. Принцип противопоставления двух фольклорных жанров в этом стихотворении передал мировоззрение и мировосприятие предков-ойратов, их приоритет духовного над материальным, когда превыше всего ценилось благое слово. Во втором стихотворении философия добра и зла актуализированы в парадигме древнего обряда, способствующего, как представлялось предкам, снятию негативного воздействия вредоносного посыла. Стихотворение «Хар кел керчүлнэв», переведенное в разное время Ю. М. Нейман (1981) и В. А. Шошиным (1992), показывает восприятие формы и содержания калмыцкого текста русскими переводчиками в ракурсе имагологии: свой / другой. *Выводы.* Фольклорная традиция жанра проклятия в сти-

хотворениях В. Д. Нурова трансформирована в философском дискурсе, не воспроизводит формул проклятий, определенных действий, несмотря на то, что во втором стихотворении указан, но не описан обряд «отрезания черного языка». Калмыцкая пословица о благопожелании и проклятии, введенная в первое стихотворение, становится отправной точкой авторских размышлений о добре и зле.

Ключевые слова: проклятие (*харал*), фольклорный обряд снятия проклятия, благопожелание (йорял), калмыцкая поэзия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанр проклятия (харал) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151

Lyrics of Vladimir Nurov: The Genre of Curse (Kharal) and Ritual of Its Removal Analyzed

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. *Introduction.* Within the genre paradigm of twentieth-century Kalmyk poetry, the folklore-derived one of curse (Kalm. kharal) used to be represented by few local and original samples that remained in the periphery of the literary process. The latter include poems by A. Suseev, M. Basangov, B. Sangadzhieva, D. Kugultinov to have been and yet to be examined in our articles. *Goals.* The paper aims to identify V. Nurov's works clustering with the genre of curse, and consider the poetics of two poems — Well-Wish and

Curse (Kalm. Ёрэл болн харал, 1973), I Cut the Black Tongue off (Kalm. Хар кел керчүлнэв, 1980) — in historical / literary, historical / functional, and comparative / typological aspects, as well as Russian translations of the second text. *Results*. The first poem has two versions slightly different in style. The principle of contrasting two folklore genres in this poem conveys worldviews and perceptions of the Oirat ancestors, their inclination to prioritize the spiritual over the material, when the good word was valued above all. In the second poem, the philosophemes of good and evil are actualized in the paradigm of the ancient rite that served, as ancestors believed, to annihilate negative effects of the harmful message. The poem I Cut the Black Tongue off (Kalm. Хар кел керчүлнэв) was translated by Yu. Neiman (1981) and V. Shoshin (1992), and is instrumental in showing how Kalmyk text's form and content tend to be perceived by Russian translators in the perspective of imagology — 'us and them'. *Conclusions*. The folklore tradition inherent to the curse genre in V. Nurov's poems gets transformed in philosophical discourse, those reproduce neither formulas of curse nor any certain actions, despite the latter poem mentions the rite of 'cutting off the black tongue' never to describe it. The Kalmyk proverb about well-wishing and damnation introduced in the first poem becomes a starting point for the author's reflections on good and evil.

Keywords: curse (kharal), folklore-based curse removal ritual, well-wish (yöräl), Kalmyk poetry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. Lyrics of Vladimir Nurov: The Genre of Curse (*Kharal*) and Ritual of Its Removal Analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 130–151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151

Введение

Фольклорный жанр проклятия (калм. *харал*) имел локальные авторские образцы в жанровой парадигме калмыцкой поэзии XX в., находившиеся на периферии литературного процесса. Среди первых обращений назовем произведения Аксена Сусеева (1905–1995) «Цаһачудыг харасн харал» («Проклятие, проклиняющее белых», 1929) [Сусеев 1967], Мукебюна Басангова «Харал»

(«Проклятие», 1942) [[Басңа М. 1962](#)], передавшие трагический характер событий Гражданской и Великой Отечественной войн. У Боси Сангаджиевой (1921–2001) два одноименных стихотворения «Харал» («Проклятие»), созданные в 1966 и 1991 гг., — о древнем обычае, связанном с магической поэзией предков, веровавших в вербальную силу слова и действия против враждебной стихии природы и людей [[Саңҗин Б. 1967](#); [Саңҗин Б. 1991](#)]. Два разных стихотворения Б. Б. Сангаджиевой передают авторские интенции об истории и культуре калмыцкого народа, о йоряле-благопожелании и харале-проклятии в жизни человека, о защите и противодействии негативному посылу, о необходимости мира и согласия между людьми. Стихотворение Давида Кугультинова (1922–2006) «Кезэнэс нааран эндр күртл...» («С давних пор и до наших дней...», 1982) — размышления о жертвах репрессий и войны, проклятие палачам [[Көглтин Д. 1982](#)].

Методология исследования, связанная с малоизученностью избранной темы, основана на историко-функциональном и сравнительно-типологическом подходах. Историко-функциональный подход обусловлен материалом исследования, современным прочтением текстов калмыцкого поэта Владимира Нурова (г. р. 1929), опубликованных в конце прошлого столетия: стихотворения «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973) и «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980). Первое произведение не было переведено на русский язык, второе имеет два перевода: «Отрежь черный язык» Владислава Шошина и «Разрезаю черный язык» Юлии Нейман. Сравнительно-типологический метод определил сопоставление избранных стихотворений указанного поэта с произведениями других авторов на ту же тему и в том же жанре.

Актуальность и новизна данной статьи вызваны тем, что авторский жанр проклятия в калмыцкой лирике XX в. не был объектом и предметом исследования, за исключением наших статей [[Ханинова 2022а](#); [Ханинова 2022б](#)], в которых рассмотрены харалы в лирике А. И. Сусеева, М. Д. Басангова, Б. Д. Сангаджиевой.

Стихотворение Владимира Нурова «Йөрэл болн харал» (1973)

В лирике Владимира Нурова к жанру проклятия (*харал*) можно отнести два стихотворения: в первом из них — «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973) — показаны по принципу контраста противоположные понятия, а во втором — «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980) — древний обряд, способствующий, как представлялось предкам, снятию негативного воздействия вредоносного посыла.

Первое стихотворение имеет два варианта — газетный 1973 г. и книжный 1976 г. — с одинаковым заглавием и сходной структурой: 5 строф, из которых первая строфа включает 6 строк, остальные — по 4 строки, со свободной рифмовкой и рифмой, в основном с парной и перекрестной анафорой, с аллитерацией на «х», «h», «р».

Незначительные различия в тексте касаются лишь первой строфы, где слово *өөрднр* ‘ойраты’ в газетном варианте дано со строчной, а в книжном — с заглавной буквы *Өөрднр*, глагол *жирхлэ* ‘жили’ в газетном варианте использован в прошедшем времени, а в книжном — *жирхнэ* ‘живут’ в настоящем времени; приведенная в тексте калмыцкая пословица отличается синтаксической конструкцией (*Йөрэлин экн — тосн, / Харалин экн цусн, — гихэд = Йөрэлин экн — тосн, / Харалын экн — цусн гихэд*).

Йөрэл болн харал

*Йөрэлин экн — тосн,
Харалин экн цусн, — гихэд,
Өсхэс өтлх куртл өөрднр
Өлг-эдэс үгэн доталж,
Харалиг «үснэ үзүрэр» хархж,
Йөрэлэр жирхлэн кеерулжэ жирхлэ.*

Благопожелание и проклятие

Начало благопожелания — масло,
Начало проклятия — кровь, — считая так,
Ойраты, от рождения до старости,
Превыше материального ценили слово,
Проклятие отведя от себя
(букв. на «кончике волоса»),
Жизнь украшали благопожеланием.

ник проклятия — кровь’ [КРС 1977: 281] приводится в конце авторского размышления в обратном порядке (*Харалин экн — цусн, / Йөрәлин экн — тосн* [Саңһжин Б. 1991а: 3]), т. е. приемом от противоположного, то в стихотворении Владимира Нурова, поскольку в названии обозначены оба понятия *Йөрәл болн харал* (‘Благопожелание и проклятие’), т. е. позитивное и негативное, пословица приведена в ее традиционном виде в первой же строфе [Нуров 1973: 4]. В первой части пословицы существительное *тосн* ‘масло’ в переносном смысле означает «богатство», во второй части пословицы существительное *цусн* ‘кровь’ в переносном смысле передает значение ‘смерть, горе, беда, несчастье’. Ср. с пословицей астраханских и донских калмыков: *Керулин экн — цусн, эвин экн — тосн* ‘Начало ссоры — кровь, начало мира — масло’ [Котвич 1972: 96].

Харал, с одной стороны, означая «проклятие, проклинание», с другой — «ругательство, брань» [КРС 1977: 577], по древним представлениям, активизировал посредством прежде всего вербальной магии негативное воздействие на жизнь человека и его окружение, которое можно было избежать посредством защитных ритуальных практик, в том числе при помощи благопожелания, таким образом можно было перекрыть путь злу. В словаре Жижиан Эрднибаяра существительное *харал* дополнено другим обозначением: *хөөлһ* [Жижэн 1994: 110]. Глагол *харах* передает два значения: 1) проклинать 2) бранить [КРС 1977: 578].

В первой строфе В. Д. Нуров рассуждает о мировоззрении и мировосприятии предков-ойратов, об их приоритете духовного над материальным, когда превыше всего ценилось благое слово, причем в двух последних строках о нравственно-этическом постулате автор указывает на вездесущность проклятия в контексте пожелания, чтобы зло миновало, не задев человека («*үснә үзүрәр*» *һарһж* ‘букв. на кончике волоса’) [Нуров 1973: 4], а заканчивает строфу философемой добра: благопожелание украшает (улучшает) жизнь. Фразеологизм *үснә үзүрәр һартха (давтха)*

означает ‘пусть грехи обходят’ [Фразеологический словарь 2019: 212], что, на наш взгляд, неточно, поскольку имеется в виду что-либо негативное в целом, не только собственные грехи. По нашему мнению, строку *Харалиг «үснә үзүрәр» һарһәҗ* можно трактовать и в аспекте языческого защитного ритуала во избежание зла. Но в этом стихотворении нет конкретизации и описания харала, как, впрочем, и в другом стихотворении «Хар кел керчүлнәв» («Я разрезаю черный язык»).

Нет формул проклятия и в начале второй строфы: *Йөрәлин ормд харасн хөөн* ‘Когда вместо благопожелания произносишь проклятие’ [Нуров 1973: 4]. Здесь нет и адресации: кому, какое проклятие. Ср. с «Харалом» Б. Б. Сангаджиевой, где во время ссоры двух женщин произносится харал и совершаются усиливающие злобные слова соответствующие действия (выливается вслед вода, мажется сажей собственный язык).

Дав моральную оценку неблагоприятному поступку, В. Д. Нуров усиливает ее метафорой: *Һәрд гисн нерән бузртхад* ‘Маяя свою честь ‘букв. орлиное имя’ [Нуров 1973: 4]. Сравнение с орлом — одной из сакральных птиц в орнитологическом пантеоне предков, — по мысли автора, спускает такого недостойного высоты человека на землю.

Две следующие строфы противопоставляют харалу йорял. Прием параллелизма (пустыня = проклятие, материнское благопожелание — на всю жизнь) в третьей строфе передает безлюдность пространства после проклятия и наполненность личностного пространства после материнского благопожелания, несмотря на то, что это благопожелание также не сформулировано, не сопровождается обязательными определенными ритуальными действиями. Развивая сравнение йоряла с чистым родником, со светом, автор актуализирует символику и витальную семантику благих слов в противовес зною без необходимой прохлады. По-калмыцки *булг* — это родник, определение *хар* обозначает чистоту родника. Ср. *хар усн* ‘чистая вода’ [КРС 1977: 577].

В заключительной, пятой, строфе поэт уточняет проступок: *Назр-усан урвсн хөөнэн* ‘Когда изменишь родной земле’ [Нуров 1973: 4], за которым последует справедливое проклятие: *Харал, хасн сумн метэр, / Хама йоввчн күцэд авна* ‘Проклятие, подобно пуле, / Настигнет тебя, где бы ты ни был’ [Нуров 1973: 4]. Хотя здесь также не артикулируется проклятие, оно понимается автором как возмездие предателю. Недостойное поведение человека усилено дополнительной характеристикой: *Һаран уһажэ бултхар седсинь* ‘Умыв руки, захочешь скрыться’ [Нуров 1973: 4]. Использование русского фразеологизма «умывать руки» (*һаран уһах*) расширяет семантическое поле в значении «снять с себя ответственность». Ср. «умывать руки, умыть руки» означает «отстраняться, уклоняться от участия в каком-либо деле; снимать с себя ответственность за что-либо» [Фразеологический словарь 1978: 495].

Глагольная связка «скрыться / спрятаться» — «настигнет» акцентирована в сравнении проклятия с вещественной деталью — пулей (*сумн*). Существительное *сумн* в калмыцком языке имеет два значения: 1) пуля; заряд; патрон; снаряд; 2) стрела [КРС 1977: 461]. В этом плане оба значения сближают временные категории прошлого и настоящего (история и современность): скорость, быстроту возмездия отступнику.

В стихотворении 6 раз используется слово *харал* в следующем виде: существительное в разных падежах (*харал; харалин; харалиг*), глагол (*харасн*), слово *йөрэл* — 5 раз как существительное в разных падежах (*йөрэл; йөрэлин; йөрэлэр*).

Таким образом, у В. Д. Нурова доминирует понятие проклятия (*харал*) как враждебное миру и согласию, а в гендерном плане манифестируются мужское начало, мужское поведение, мужская честь. Ср. в этом аспекте женскую ссору в «Харале» (1991) Б. Б. Сангаджиевой, причем причина ее не указана, скорее, она бытового характера.

Стихотворение Владимира Нурова «Хар кел керчүлнэв» (1980) и обряд снятия проклятия

«Хар кел керчүлнэв»

Я отрежу черный язык,

*Эврэн эн делкэн
Кеермжэс эс болвчн,
Эрин билгтэ гиснлэ,*

Хотя я сам не являюсь
Украшением этого мира,
Но от того, что встретил в жизни лучших
из мужчин и

Эмин сээхлэнх харһсан

самых красивых из женщин,
благодарен судьбе за это,

Хөвд тоолж ханад,

Чтобы стать защитником от ядовитого языка
и глаза,

*Хорта кели, нүднэс
Хальч болхар седж,
«Хар кел керчүлнэв»...
Билг, седклин цаһанд
Кели күрн гихлэ,*

«Я отрежу черный язык».
Когда речь касается
Таланта, светлой души,
Их хрупкой сути,
Буду накрепко защищать
(букв. крепким камнем),

*Күүрг эн тоотыг
Күдр чолуһар харсх
Зөрг күрсн хөөн, —
Зеткр давснь тер...
Жирһлин кеермжүр худл
Жидэн зөвлжэ бээхлэнх,
Тоһрун шовуниң энрэд,
Теврэд киисхэр седнэв.
Эврэн эн делкэн
Кеермжэс эс болвчн,
Эрднин экнэ төлэ,
Эрин сээхлэнх боснав.*

Проявляя мужество,
Тогда опасность минует их.
Если ложь своим копьем
Пронзит красоту жизни,
То я, словно журавль, горяя,
Обняв ее, упаду.
Хотя я сам не являюсь
Украшением этого мира,
Но ради его сокровищ
Встану с лучшими из мужчин.

[Нуура В. 1980: 20–21].

Во втором стихотворении В. Д. Нурова «Хар кел керчүлнэв» («Я отрежу черный язык», 1980) взаимосвязь с указанным первым стихотворением поэта проявляется в его готовности противостоять

злу, чтобы защитить добро в жизни. Вопреки тому, что в названии произведения есть отсылка к обряду противодействия проклятию (на что указывают кавычки), сам ритуал в тексте не показан, кроме того, не дифференцирована его характеристика: языческий или буддийский. Обряд «отрезания черного языка» (*хар кел утулһн*) исследован в научных трудах калмыцких ученых разных лет, например, Н. О. Очирова [Очиров 2002], Б. А. Бичеева [Бичеев 2006; Бичеев 2014], Т. Г. Борджановой, [Борджанова 2007; Борджанова 2011], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2008], Д. Н. Музраевой [Музраева 2018], Ю. Ю. Эрендженовой [Эрендженова 2022] и др.

Так, Б. А. Бичеев дал комментарии старинному обряду, описанному в ранней статье Н. О. Очирова «Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд „хара келе утулган“ у калмыков» (1909), в аспекте органичного освоения буддизмом традиционных добуддийских верований: буддизм, придав им новый импульс, перерабатывал их и выдавал за наследие самого Будды с использованием сутры (молитвы). «Ритуальная часть заключалась в символическом отрезании черного языка, который, как правило, был представлен в виде веревки, сплетенной из черной и белой шерсти» [Бичеев 2006: 360–361]. И при этом веревка сплеталась в противоположную солярному движению сторону [Бичеев 2014: 88], магический принцип перевернутости. Черная нить выступает символом проклятия, а белая нить — символом лстивого языка, что является заменой, «в которой черно-белая нить, с точки зрения человека, инициировавшего обряд, символизирует проклятие вообще, а не конкретного человека» [Бичеев 2014: 88]. «По мере произнесения главного в этом заклинании слова „утлму“ („отрежу“) отрезалась часть веревки. В данном случае специфические ритуальные действия выступают своего рода защитными механизмами, направленными на преодоление конкретной угрозы вовне. Люди усматривали причинную связь между явлениями, но заменяли отношение причин и следствий при ее интерпретации действием „подобное подобным“. Главный смысл обряда заключался в достижении такого состояния, в котором человек психологически не чувствует себя больше беззащитным перед угрозами извне» [Бичеев 2006:

361]. Как указывают исследователи, со временем защитная функция этого обряда воспринималась суеверным человеком шире, чем просто защита от проклятия, простираясь на любые дурные знамения, нехорошие сновидения, болезни людей, падеж скота, зависть и т. п. [Очиров 2006: 33–36; Бичеев 2014: 87–101]. По уточнению Т. Г. Борджановой, суть обряда заключалась в том, «чтобы с помощью магического заклинания обрезать кончик языка (келнэ му үзүр — „плохой кончик языка“) противника. Вероятно, по представлениям калмыков, магическая сила вредоносных заклятий находилась на кончике языка» [Борджанова 2011: 259]. Этот обряд сохранился в современной обрядовой традиции калмыков и ойратов Китая [Борджанова 2011; Бичеев 2014: 87–101].

Во втором стихотворении «Хар кел керчүлнэв» («Я отрежу черный язык»), структурно не разделенном на строфы, В. Д. Нуоров называет язык ядовитым (*хорта келн*), прибавляя сглаз. *Хорта келн, нүднэс / Хальч болхар седж, / «Хар кел керчүлнэв»* ‘Чтобы стать защитником от ядовитого языка и сглаза, / «Я отрежу черный язык»’ [Нуура В. 1980: 20]. Ср. с калмыцкой пословицей: *Күүнэ келн хорта, курнин махн заарта*, т. е. «Человеческий язык язвительный (букв. ядовитый), мясо хорька мускусное» [КРС 1977: 291]. Глагол *керчх* имеет два значения: 1) мелко резать; 2) делать зарубки, надрезать; глагол *утлх* — резать, разрезать [КРС 1977: 296; 540].

Чтобы спасти талант и светлую душу людей, лирический субъект готов мужественно защищать эти хрупкие субстанции. Автор использовал метафору: *Күдр чолуһар харсх* [Нуура В. 1980: 20], букв. защищать крепким камнем, т. е. здесь не упоминаются конкретные действия обряда отрезания черного языка. Если же поэт бессилён в каких-то действиях, выступая против лжи, то горюет, словно журавль, упав на землю. Сравнение с журавлем возникает по аналогии — прощание с перелетными степными птицами, гибель одного из журавлиной пары. Рефреном повторяется авторская мысль о том, что, не являясь безупречным в жизни, тем не менее, он готов ради сокровищ мира встать с лучшими из мужчин на борьбу: *Эрднин экнэ төлэ, / Эрин сгэнлэнь боснав* ‘Но ради его

сокровищ / Встану с лучшими из мужчин' [Нуура В. 1980: 21]. Диалектика силы и бессилия, по мнению поэта, преодолевается сплоченностью людей (мужчин) в противодействии злу. Здесь вновь превалирует гендерный прием: настоящий мужчина должен защитить слабых и беззащитных, талантливых и порядочных людей.

В обряде отрезания черного языка главная роль отводилась буддийскому священнику, проводившему соответствующие ритуальные действия и читавшему подобающие молитвы-сутры (например, «Сутра, отвращающая воздействие проклятия»), но в его отсутствие это мог сделать и знающий человек (*медлгч*). Подобную функцию возлагает на себя в стихотворении В. Д. Нурова лирический субъект, *alter ego* (второе «я») автора. Но, как нам представляется, отсутствие подробностей самого обряда в тексте свидетельствует о том, что поэт не напрямую апеллирует к обычаю в магической вере предков, а метафорически, символически передает в образной форме свое отношение к злу в мире, необходимость борьбы с ним.

Обратим внимание на русские переводы этого стихотворения, осуществленные в разное время двумя переводчиками, в связи с проблемой соотношения формы и содержания в передаче обряда «отрезания черного языка».

Начнем с перевода В. А. Шошина «Отрежь черный язык», в названии которого императив *отрежь* равным образом может быть адресован любому человеку, между тем в оригинале личная форма глагола будущего времени *Хар кел керчүлнэв 'Я отрежу* черный язык'. Перевод изобилует восклицательными знаками, передающими эмоциональный порыв лирического субъекта, тогда как в стихотворении калмыцкого поэта восклицательные знаки отсутствуют. Ср. «Разрежь его, отрежь! <...> Скорей разрежь его, отрежь! <...> Как злой язык, ты их отрежь!» [Нуров 1992: 36–37]. Кроме того, переводчиком введены дополнительные образы: цветок, на который капает слюной ядовитый язык; копье, нацеленное в грудь любимой женщины, клеветнический язык сравнивается с мятежом черного ада. Самое главное же в том, что В. А. Шошину не удалось передать ни форму, ни основное содержание оригинала.

нального текста. Если у В. Д. Нурова 22 стихотворные строки без названия, то у В. А. Шошина — вдвое меньше: 12 строк без названия. Из такого перевода русскоязычному читателю не ясно, что речь идет о калмыцком обряде «отрезания черного языка». Скорее, возникает ассоциация с русским фразеологизмом «укоротить язык» (просторечие), т. е. «заставить кого-либо поменьше болтать, разговаривать, быть менее дерзким» [[Фразеологический словарь 1978: 492](#)].

Первый перевод был сделан Ю. М. Нейман еще в 1981 г., вскоре после публикации оригинального стихотворения калмыцкого поэта в 1980 г., на десять лет раньше неудачного перевода В. А. Шошина. Если в целом переводчица придерживается основной темы и смысла первоисточника, то в отношении формы наблюдаем изменения. В отличие от авторского единого текста ее перевод структурирован 4 строфами, в которых по 6 строк, всего 24 строки (у В. Д. Нурова 22 строки).

В заглавии перевода нуровского произведения отсутствует местоимение «я», важное для актуализации авторской позиции.

Нетрудно заметить, что первая строфа перевода не совпадает с началом стихотворения. «Обычай к нам из древности проник: / Чтоб оборвать потоки злобы вздорной, / Бараний надо разрубить язык / Одновременно с длиной нитью черной, / И этим клеветническую речь, / Как заверяют, навсегда пресечь» [[Нуоров 1981: 21](#)].

Остановимся на этом фрагменте подробнее. В оригинальном тексте нет упоминания ни о древности обряда, ни об использовании в этом обряде бараньего языка и длинной черной нити. Вероятно, при работе над переводом этого произведения Ю. М. Нейман указала калмыцкому поэту на необходимость пояснить читателю, о чем идет речь. После возможного разъяснения автором сути упомянутого обряда переводчик по согласованию ввел отсутствующие до того подробные детали, на которых мы остановимся ниже. Правда, вызывает недоумение: поэт не создал вторую редакцию или второй вариант своего стихотворения, это сняло бы заметную разницу в опубликованных текстах В. Д. Нурова и Ю. М. Нейман.

Разрезаю черный язык

Обычай к нам из древности проник:
Чтоб оборвать потоки злобы вздорной,
Бараний надо разрубить язык
Одновременно с длинной нитью черной,
И этим клеветническую речь,
Как заверяют, навсегда пресечь.

И, хоть я сам — отнюдь не идеал,
Хоть, может быть, немного я стою,
Все ж я не раз мучительно страдал
От столкновенья с черной клеветою,
И, чтоб спасти добро от низких слов,
«Язык разрезать» был всегда готов.

Когда от зависти иль так — со зла
Талант чернят впрямую иль намеком,
Когда на ту, чья красота светла
Струится сплетня гнилостным потоком,
Без промедления берусь за нож
И пересекаю низость, подлость, ложь.

И пусть я сам — отнюдь не идеал,
Пусть у меня грехов хватает ныне,
Но я бы, не колеблясь, жизнь отдал,
Чтоб мира драгоценные святыни
От умысла дурного защитить
И злой язык навеки обрубить.

Перевод Ю. М. Нейман

[Нуров 1981: 21].

Отрежь черный язык

К цветку язык протянут черный,
К цветку, что словно утро свеж,
Слюною капает тлетворной
Язык... Разрежь его, отрежь!
Копьем нацелен в грудь любимой,
Как ада черного мятеж,
Клевет язык неистребимый...
Скорей разрежь его, отрежь! (с. 36)
Покая не было и нету,
Враги извечные все те ж:
Хула, предательство, наветы...
Как злой язык, ты их отрежь! (с. 37)

Перевод В. А. Шошина

[Нуров 1992: 36–37].

Обычно при описании обряда «отрезания черного языка» есть детализация цветов — черная и белая шерстяные нити, а в переводе стихотворения фигурирует только черная нить. Кроме того, у Ю. М. Нейман уточняется, что одновременно с обрезанием черной

нити разрубают бараний язык. Действительно ли такая процедура осуществляется одновременно? Или это разные версии анализируемого обряда?

Как отмечает Б. А. Бичеев, «обряд „отрезания черного языка“ (*хар / цаһан келн ам керчх йосн*) сохранился в современной обрядовой традиции ойратов (торгутов, олетов, хошутов) Китая. По свидетельству исследователей, он бытует во всех районах проживания ойратов и является определенным защитным действием против вредоносного воздействия как „черного“, так и „белого языка“ [Namdjil 2010: 190¹]. Несмотря на функциональную однозначность этого обряда, исследователи отмечают некоторые вариации в самом ритуальном действии» [Бичеев 2014: 88–89].

Среди этих вариаций нас интересует такие, в которых используются языки домашних животных и зверей, поскольку в переводе стихотворения В. Д. Нурова речь идет о бараньем языке.

Так, в некоторых районах Синьцзяна «при совершении обряда используют язык черной или черноголовой овцы, который нарезают тонкими полосками и вплетают в черно-белую нить. Один конец нити находится в руках у лица, совершающего обряд. Другой конец нити держит во рту инициатор обряда, а середина нити обматывается вокруг больших пальцев его рук. По мере перечисления каждого из десяти черных прегрешений произносится формула „Отрезаю язык завистника!“ (*Күүнэ үзн ядг келиг керчму!*) и отрезается часть веревки. По завершении обряда куски веревки собирают и закапывают внутри кибитки под дверью.

Синьцзянские олеты вплетают в черно-белую нить тонко нарезанные куски волчьего или коровьего языка. По завершении обряда куски веревки кладут в вырытую под дверью яму. Сверху наливают воду из чаши, в которую кладут семь черных камней. Затем поверх отрезанных кусков веревки кладут плоский камень, по которому наносят семь ударов ногой, и произносят фразу: „Да будет погребено все вредоносное моей стопой!“ (*Өшэтэ бүкн өскэ дорм даргдтха!*).

¹ Речь идет о работе: Namdjil T. Oyirad mongol-un jang üyile-yin soyol. Šitulga biširel-un boti. Šinjang-un arada-un keblel-un horiyi-a, 2010. 292 n.

В отсутствие священнослужителя обряд может совершить и обычный человек. В этом случае действие закрепляется произнесением встречной формулой проклятия, нейтрализующего негативное воздействие „черного“/„белого“ языка. <...>

После окончания обряда хозяин дома трижды плюет на собранные воедино куски обрезанной черно-белой веревки с вплетенными в нее кусочками языка животного. Затем все это выбрасывают в северо-западную сторону от дома» [Бичеев 2014: 89–90].

Ср. в статье Н. О. Очирова (1909) указывается, что в то время, как один буддийский священник отрезает веревку, начиная от своей руки, другой священник читает краткую молитву под названием «хара келни бичиг» («письмо черного языка»), распространенную среди народа в рукописном виде. «Веревка отрезается столько раз, сколько вполне законченных по смыслу предложений заключается в молитве, и отрезывание производится тотчас же за чтением каждого предложения. Обрезки веревки, собранные священником, кладут на куски кошмы, куда плюют все члены семьи; вслед за этим старший из священников произносит трехкратное заклинание и трижды плюет на кошму. После этого обрезки выносятся на двор и зарываются вместе с какой-нибудь одеждой хозяина» [Очиров 2006: 267].

Общее в калмыцком и ойратском обрядах: отрезание черно-белой веревки, молитвы, плевки, закапывание в землю обрезков веревки. Различие в обряде у ойратов Китая заключается во вплетении в черно-белую нить полосок языка животного или зверя, а у калмыков — зарывание в землю обрезков вместе с какой-нибудь хозяйской одеждой.

Одежда в культуре монгольязычных народов воспринимается как телесная часть ее хозяина, поэтому попавшую под воздействие «черного языка» одежду тоже надо уничтожить, чтобы лишиться злой силы.

По сведениям некоторых наших информантов, раньше они были свидетелями того, как их отцы, когда резали овцу / барана, обязательно отрезали кончик языка этого животного, т. е. так совершался короткий обряд «отрезания черного языка» [ПМА:

М. Б. Б.; ПМА: Х. Н. С.]. По воспоминаниям нашего информанта, его отец, когда детям давал вареный бараний язык, отрезая его кончик, приговаривал, обращаясь к ребенку: *Келмрч бол! Керүлч бичэ бол!* ‘Стань сказителем! Не будь скандалистом!’ [ПМА: Х. Н. С.].

Возвращаясь к переводу, созданному Ю. М. Нейман, заметим, что со второй строфы наблюдается приближение к оригинальному тексту. Но и здесь есть некоторые смысловые отличия. Если в переводе сформулирована категоричность самохарактеристики лирического субъекта («И, хоть я сам — отнюдь не идеал, / Хоть, может быть, *немногого я стою*»²), то в первоисточнике этого самоуничижения нет («Хотя я сам не являюсь / Украшением этого мира»). Напротив, лирический субъект благодарит судьбу за встречу с лучшими из мужчин и с красивейшими из женщин, поэтому, чтобы стать защитником от злословия и сглаза, готов совершать своеобразный обряд «отрезания черного языка». В переводе же подчеркиваются страдания человека от столкновения с черной клеветой, т. е. во главу угла ставится собственный опыт лирического субъекта, побуждающего его бороться со злом за добро. В третьей строфе перевода защита таланта сопрягается с защитой женщины, хотя у поэта далее речь идет о красоте жизни, вместо крепкого камня появляется нож как средство, используемое в обряде «отрезания черного языка». Переводчица также нивелирует и слабость человека в противодействии злу, сравнение с журавлем, манифестируя его готовность даже отдать жизнь ради святых истин, несмотря на то, что такой самоотверженности в оригинале не наблюдаем. Там утверждается готовность человека встать в одном ряду с лучшими из мужчин, т. е. нет привычного героического пафоса борца со злом, погибающего на этом поприще.

Заключение

По мнению Ю. Ю. Эрендженовой, «Обряд отрезания „черного языка“ — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери

² Выделено мной. — Р. Х.

имущества и т. д.), вербально спровоцированных недоброжелателями. Определено, что в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания „черного языка“ приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции. В том случае, когда верующий не понимает сущности обряда, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой. <...> С учетом буддийского подхода к толкованию смысла защитных ритуалов становится очевидной непротиворечивость обряда отрезания „черного языка“ буддийской этике. При такой интерпретации и соответствующем практическом применении защитный обряд может быть одним из способов личностного развития верующих» [Эрендженова 2022: 777–778].

В лирике Владимира Нурова обращение к фольклорной традиции жанров благопожелания (*йөрөл*) и проклятия (*харал*) в стихотворении «Йөрөл болн харал» (1973) демонстрирует авторское отношение к философемам добра и зла в жизни человека с опорой на народное мировоззрение и мироощущение, на калмыцкую поговорку о сути этих двух дилемм. Во втором стихотворении «*Хар кел керчүлнэв*» («Я разрезаю черный язык», 1980) поэт апеллирует к древнему обряду монголоязычных народов — к защитной ритуальной практике снятия плохого вербального воздействия и сглаза на жизнь человека, к обряду «отрезания черного языка». Характерно при этом, что в текстах не используются формулы проклятий, не приводится описание данного обычая предков. Тем не менее, в калмыцкой лирике прошлого столетия второе стихотворение В. Д. Нурова является, насколько нам известно, единственным в таком роде.

Если первое стихотворение не переведено на русский язык, то второе стихотворение имеет два перевода, осуществленных в промежутке десяти лет. При этом второй перевод В. А. Шошина можно считать неудачным как по форме, так и по содержанию, а первый перевод Ю. М. Нейман обнаруживает явные расхождения

по структуре текста, так и по включению в первую строфу дополнительных деталей, отсутствующих в оригинале. Стихотворение «Хар кел керчүлнэв», переведенное в разное время Ю. М. Нейман (1981) и В. А. Шошиным (1992), показывает восприятие формы и содержания калмыцкого текста русскими переводчиками в ракурсе имагологии: свой / другой. Фольклорная традиция жанра проклятия в стихотворениях В. Д. Нурова трансформирована в фило-софском дискурсе, не воспроизводит формул проклятий, определенных действий, несмотря на то, что во втором стихотворении указан, но не описан обряд «отрезания черного языка». Калмыцкая пословица о благопожелании и проклятии, введенная в первое стихотворение, становится отправной точкой авторских размышлений о добре и зле.

Оба произведения калмыцкого поэта созданы в атеистическую эпоху советской поэзии, когда внимание к религиозной теме не поощрялось, а литераторы не особенно демонстрировали свои конфессиональные предпочтения ни в жизни, ни в творчестве, имея те или иные знания в определенной области.

Источники

Информант М. Б. Б., 1970 г. р., дербетка.

Информант Х. Н. С., 1953 г. р., дербет.

Литература

Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 161–200.

Басңа М. 1962 — Басңа М. Харал // Антология калмыцкой поэзии / сост. С. К. Каляев, И. М. Мацаков, Л. С. Сангаев. Элиста: Калмгосиздат, 1962. С. 192.

Бичеев 2006 — *Бичеев Б. А.* Хар келнэ судр оршв // *Очиргов Н.* Живая старина / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 359–361.

Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 87–101.

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Борджанова 2011 — *Борджанова Т. Г.* Жанр проклятий у калмыков и обрядники «отрезание черного языка» // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 253–260.
- Жижэн 1994 — *Жижэн Э.* Краткий калмыцко-русский словарь «Угин эрке». Элиста: АПП «Джангар», 1994. 190 с.
- Котвич 1972 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 91 с.
- Көглтин Д. 1982 — *Көглтин Д.* «Кезэнэс нааран эндр күртл...» // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураңһу. Нурвн ботьта. 2-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. X. 170.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Музраева 2018 — *Музраева Д. Н.* Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2(13). С. 74–85. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85
- Нуров 1973 — *Нуров В.* Йөрэл болн харал // Хальмг үнн. 1973. Октябрин 5. X. 4.
- Нуров 1981 — *Нуров В.* Разрезаю черный язык // Нуров В. Д. Солнечный колодец: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 21.
- Нуров 1992 — *Нуров В.* Отрежь черный язык // Аврора. 1992. № 1. С. 36–37.
- Нуура В. 1976 — *Нуура В.* Йөрэл болн харал // Нуура В. Булгин амтн: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. X. 74–75.
- Нуура В. 1980 — *Нуура В.* «Хар кел керчүлнэв» // Нуура В. Улан ханзһта залус: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1980. X. 20–21.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 33–36.
- Саңһжин Б. 1967 — *Саңһжин Б.* Харал // Саңһжин Б. Үннд үкл уга: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 44–46.
- Саңһжин Б. 1991 — *Саңһжин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1991. Хөн сарин 29. X. 3.
- Сангаджиева 2022 — *Сангаджиева Б.* Харал // Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 429–430.

- Саңҗин Б. 1997 — *Саңҗин Б. Харал* // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 6. X. 4.
- Сусеев 1967 — *Сусеев А. Цаһачудыг харасн харал* // Сусеев А. (Дендэн Айс). Дууна дееж: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 34–36.
- Фразеологический словарь 1978 — Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. 3-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
- Фразеологический словарь 2019 — Фразеологический словарь калмыцкого языка / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: РИА «Калмыкия», 2019. 286 с.
- Ханинова 2022а — *Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в.* // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440
- Ханинова 2022б — *Ханинова Р. М. Жанр харал в лирике Аксена Сусеева* // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века: Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» Мат-лы XIV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (20–21 апреля 2022 г., г. Пятигорск) / под ред. А. М. Казиевой. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Эрендженова 2022 — *Эрендженова Ю. Ю. Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований)* // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 777–787. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787